

*Presentazione della raccolta**Poesia russa 1990-2023**a cura di Daniela Rizzi e Elena Pachomova, (Molesini, 2026),
con letture dal volume.**Partecipano Daniela Rizzi e Stefano Garzonio.***Maksim Amelin****Исповедь переписчика**

Я – переписчик, обитель святую лет
не покидавший тридцать иль сорок,
знаю немного: книга мертва, если нет
в ней ни описок, ни оговорок;
суть на полях расположена и меж строк,
в буквицах явлена, в титлах скрыта;
Время нещадно написанного песок
хрупкий сквозь крупное сеет сито.

Я – переписчик, одежда моя проста,
златом не блещет и перламутром
утварь, полати для сна, для молитв – уста, –
ночь скоротать – и за дело утром:
в книге любой до конца от начала есть
то ощущение смертной битвы,
зря не одну изведешь без коего десть,
и не помогут тебе молитвы.

Я– переписчик, смиренное ремесло
дарит возможность продлиться в мире:
медленно книги ветшают, – своих число
помню до точности: три Псалтири,
двадцать Апостолов, девять Палей, семь Пчел,
пять Шестоднезов, и каждый штучен, –
все бы я мной переписанное прочел,
если бы грамоте был обуче.

Aleksej D'jačkov**Встреча**

Мало света на кухонной марле.
Дворник к мусорке смел белый свет.
Крутит медленно сальто мортале
Целлофановый мятый пакет.

Под деревьями ветру на милость
Сдался дым терпеливый, густой.
Это два старика восклубились,
Затянувшись от спички одной.

О Дерюге, ботинке непарном,
О буряте, спустившемся с гор,
Два соседа по лагерным нарам
Монотонный ведут разговор.

Бригадира, сыгравшего в ящик,
Конвоира с огрызком трубы
Вспоминают, как добрый нарядчик
Приписал им до нормы кубы.

Приписал им опилки метели,
От заточки на старосте швы.

Confessione di un amanuense

Traduzione di Daniela Rizzi

Sono un copista, nel sacro eremo rimasto
per trent'anni o quaranta, e so poche cose:
un libro è cosa morta se non ha
né chiose né scorsi di penna;
la sostanza è nei margini e tra le righe,
si disvela nei capilettera, si cela in un titolo;
il tempo impietoso tra le sue maglie larghe
degli scritti l'effimera rena disperde.

Sono un copista, dimesso è il mio vestire,
non brillano d'oro e di perle i miei strumenti,
una panca per il sonno, per la preghiera le labbra,
appena fa giorno già sono al lavoro:
ogni libro, dal principio alla fine,
ha il sapore di una lotta mortale,
più di un quaderno di carta si spreca,
e nessuna preghiera ti aiuta.

Sono un copista, il mio mestiere umile
prolunga il mio vivere nel mondo:
i libri pian piano si usurano, e dei miei
ricordo il numero esatto: tre Salteri, venti
Atti degli apostoli, nove Palee,
sette Florilegi, cinque Esameroni, e ognuno è unico.
Avrei anche letto tutto quel che ho trascritto
se solo non fossi rimasto illetterato.

Incontro

Traduzione di Francesca Lazzarin

Poca luce sugli stracci in cucina.
Tra i rifiuti è finita la luce del mondo.
Un sacchetto di cellophane sgualcito
lentamente fa una capriola.

Sotto gli alberi si è arreso al vento
un fumo paziente e corposo.
Sono le volute di due comparì
che hanno acceso a un fiammifero solo.

I due vicini di branda in un lager
se ne stanno a parlare monotoni
della juta, d'uno stivale spaiato,
di quel buriato disceso dai monti.

Ricordano il caposquadra che ha tirato le cuoia,
il guardiano con un pezzo di sifone.
Ricordano che la giusta dose di lavoro
gli assegnò l'intendente, un brav'uomo.

Gli assegnò trucioli di tormento,
cicatrici da taglio ha il capogruppo.

И нестыдные мысли о теле
Замкомвзвода не старой жены.

Темный лес, складный сказ на малине,
У остывших углей голоса.
Как младенец в густом формалине,
Страх ночной открывает глаза.

В темноте проступает все больше
До забоя натоптанный путь.
Нету жизни иной, кроме той, что
Не дает до рассвета уснуть.

E pensieri osceni sulla moglie
del sergente, non ancora vecchia.

Una selva oscura, discorsi tra imboscati,
voci attorno ai carboni ormai spenti.
Il terrore notturno apre gli occhi
come un neonato in formalina densa.

Nel buio è sempre più nitida
la via battuta che porta alla cava.
Qui non c'è altra vita, se non quella
in cui non dormi fino all'alba.

Ruslan Ėlinin

Ничто не меняется
постоянство метаморфоз
через час я усну и проснусь на рассвете
напоминающем кровавые бинты
сорванные с израненной памяти
пережить этот рассвет - поражение
которое я терплю ежеутренне
и может быть единственно поэтому
остаюсь живым

Traduzione di Alessandro Farsetti

Niente muta
persistenza delle metamorfosi
tra un'ora prenderò sonno per svegliarmi in un'alba
che ricorda bende insanguinate
strappate dalla memoria ricoperta di ferite
sopravvivere a quest'alba è una sconfitta
che subisco ogni mattina
e forse unicamente per questo
rimango vivo

Elena Fanajlova

Жутко владенье хрупкими вещами.
Как тут узнаешь, кто научил рисовать людей
Звездочки меж бровей, бабочек над хрящами
Надгортанников, плачущий глаз меж грудей?

Кто научил их жить, вообще, с чужими
Пропастями, с их ночными зверьми,
С этим зияньем, пеньем, беспамятством
Даже при жесте ладонями вверх: возьми,

Если не убоишься таких объятий.
Если тебе покажутся не страшны
Лица, всплывающие из амальгамы пятен, - недостижимей
Из плесневеющей, черной, серебряной глубины.

Traduzione di Francesca Lazzarin

È tremendo possedere oggetti fragili.
Come sapere chi ha insegnato alla gente a disegnare
le stelle sulla fronte, le farfalle sopra le cartilagini
dell'epiglottide, o l'occhio che tra i seni piange?

E poi, chi gli ha insegnato a vivere, con le voragini
altrui, coi loro animali notturni,
con un vuoto, un canto, un torpore come questi, è ancora più arduo
persino se porgi i palmi alzati: prendi,

se non hai timore di questi abbracci.
Se spaventosi non ti sembrano
i volti che affiorano da un impasto di macchie,
da un abisso di muffa, tenebra, argento.

Julij Gugolev

Сколько б ни тянулось все, что тянется,
сколько бы ни множились гробы,
что-нибудь в итоге да останется,
обойдясь без лиры и трубы, –

что-нибудь, уже скромней масштабами,
что-нибудь, ландшафтами ровней,
с эха отголосками, но слабыми,
повторяющими мно-го в ней...",

что-нибудь живучее, – мы сами,
дружно встав в кильватер кораблю,
в белом, вслед за белыми мышами,
незаметно движемся к нулю.

Господи, на Save ли, на Backup ли,
кто нажмет одной из наших рук,

Traduzione di Martina Morabito

Per quanto duri tutto ciò che dura,
per quanto possano moltiplicarsi le bare,
alla fine qualcosa certo resterà,
e non avrà bisogno né di tromba, né di lira,

qualcosa, già in scala più modesta,
dal paesaggio più uniforme,
con un'eco risonante e affievolita
che ripete "... c'è mol-to in lei...",

qualcosa di più eterno: noi stessi,
insieme, nella scia della nave,
in bianco, dietro a topi bianchi,
a muoverci appena verso il nulla.

Signore, che sia *Save* o *Backup*,
chi farà *clic* con una delle nostre mani

чтоб однажды в уцелевшей капле
Вновь увидел новый Левенгук

наше мельтешение, снование,
нашу жажду света и тепла,
если нас не скрыть до основания,
не сровнять с землей, не сжечь дотла.

Sandžar Janyšev

Смерть солдата

Я не тем оглушен, что погоста,
словно нехристь двурогий, лишен,
что свечного домашнего господа,
как блудный овен, отлучен.

И не тем, что, как в детстве из лука,
настреляться я так и не смог,
что не лег, как отцова наука
учит нас – головой на восток.

А – что вместо просторного гроба
я лишь кожей обернут сырой,
как какой сарацин, и природа
с пятиста меня давит сторон.

Мне другое обещано было:
как-то крестный мой Скарабей
на Покров говорил, что могилой
мне воздастся по вере моей.

Я не больно-то верую в Бога
как радетеля мертвых. Кабы
все исчезло – ан вона как бойко
без меня продолжается быть

Я сквозь ситечко вижу коренья;
крышки нету, всеяден песок...
Так лежу, словно умер. Но время –
как и раньше – летит на Восток.

così che un giorno, nella goccia che è rimasta
un nuovo Leeuwenhoek possa ancora vedere

il nostro sfarfallio, e l'affannarsi nostro,
la nostra sete di luce e di tepore,
se non ci raderanno al suolo,
se non ci ridurranno in cenere?

La morte del soldato

Traduzione di Daniela Rizzi

Non mi sconvolge essere insepolto
come un maledetto infedele,
in esilio dal dio dei miei padri,
montone staccato dal suo gregge.

E nemmeno, come da bambino con l'arco,
non aver messo a segno tutti i miei colpi,
o non esser caduto riverso, come vuole
la sapienza dei padri, con la testa a oriente.

È che invece di una tomba spaziosa
mi avvolge umida solo la pelle,
come un saraceno qualunque, e la natura
da mille parti mi assedia.

Altro mi era stato promesso:
il mio padrino – detto Scarabeo –
per la festa del Velo⁹ diceva:
avrà sepoltura pari alla tua fede.

Non credo granché in un Dio
protettore dei morti. Se
ogni cosa scomparisse... ma tutto
continua alla grande anche senza di me.

Vedo le radici attraverso un intrico di fibre;
nessun riparo, e vorace è la sabbia...
Disteso, come un morto. Ma il tempo,
anche adesso, vola verso l'Oriente.

⁹ Il 14 ottobre (1 ottobre secondo il calendario giuliano) nella chiesa ortodossa russa si festeggia il "Pokrov", il giorno del Velo della Santissima Madre di Dio (o "dell'Intercessione", della "Protezione" della Madre di Dio). La festa commemora l'apparizione della Madre di Dio nel santuario di Blacherne, a Costantinopoli, domenica 1 ottobre dell'anno 911, quando S. Andrea il Folle in Cristo vide la cupola della chiesa aprirsi e da lì entrare la Vergine Maria, circondata da angeli e da santi.

Sergej Kruglov

Ангел войны

Ангел войны – сам не воин.
Ангел войны – седой архивист,
к столу в подвале прикован.
На сукне перед ним – гора ломких фото:
работы военных корреспондентов.
На фото – разнообразно одинаковые убитые люди.

Ангел войны берет их наугад,
одно за другим,
кладет под круг света настольной лампы,
макает ручку, –
деревянный изгрызенный держатель, стальное перо №13,
непроливайка, мушиный почерк, –
на одних выводит: "Зверства", на других: "Возмездие".

L'angelo della guerra

Traduzione di Benedetta Lazzaro

L'angelo della guerra non è un guerriero.
L'angelo della guerra è un archivista canuto
inchiodato alla sedia in un sotterraneo.
Davanti a lui sta una montagna di foto sgualcite
opera dei corrispondenti di guerra.
Foto di persone uccise, diverse eppure uguali.

L'angelo della guerra le prende a casaccio,
una dopo l'altra,
le porta alla luce della lampada da tavolo,
intinge la penna,
il corpo smangiucchiato in legno, la punta in acciaio,
senza sbavature, una scrittura minuta,
"atrocità" scrive su alcune, su altre "nemesi".

Ангел войны знает, что дешевые анилиновые чернила
выцветут до Суда,
но пишет и пишет.
Две стопки растут,
одесную, ошуюю,
шатко громоздятся ввысь, во мрак сводов.

Сколько он тут сидит, ангел войны не помнит.
Ангел войны не ропщет - ангелы, сделавшие свой выбор.
не ропщут. Впрочем,
на всякий случай, крылья его выстрижены из лопаток.
Фото приносят и приносят.

L'angelo della guerra sa che il suo inchiostro da quattro soldi, all'anilina
sbiadirà prima del Giudizio,
ma lui continua a scrivere.
Le due pile s'innalzano,
tanto alla destra quanto alla sinistra,
vacillando si ammucchiano più in su, nel buio della volta.

Da quanto tempo è lì l'angelo della guerra non se lo ricorda.
L'angelo della guerra non si lagna; gli angeli che hanno fatto una scelta
non si lagnano. Oltretutto,
non si sa mai, le ali gliele hanno amputate.
E ancora e ancora gli portano foto.

Vera Pavlova

Traduzione di Martina Morabito

Дом — это место для слушанья голоса ветра,
для рассуждений о криках под окнами в полночь,
для размещения и перемещения книжек,
чашек, подушек, квитанций на чистку одежды.
Дом — это мир существительных, осуществлений,
мир до-мажора арпеджио под абажуром
и поцелуев, которые будят ребенка,
и разговоров о лучшем, несбыточном доме.

La casa è per ascoltare la voce del vento,
per ragionar di urla notturne sotto la finestra,
per sistemare e poi spostare libri,
tazze, cuscini, ricevute di lavanderia.
La casa è mondo di nomi e avveramenti,
mondo di arpeggio in do maggiore sotto l'abat-jour
e baci che svegliano il bambino
mentre parliamo di una casa migliore, un'illusione.

Gleb Shulpyakov

Traduzione di Daniela Rizzi

**утреннее размышление
церкви santa maria dei miracoli в риме**

Во время католической мессы
человек совершает поклонение,
преклоняя колени на
деревянную скамейку —
тем самым он как будто говорит:
о создатель и владыка мира,
я — не последнее твое творенье

Во время православной службы
человек совершает поклонение,
преклоняя колени на
каменный пол храма —
Тем самым он как будто говорит:
о создатель и владыка мира,
я — твой последний раб

когда говорят о европе и азии,
о том, что нас разделяет,
я думаю, дело не в языке,
истории или географии,
а в одной скамейке —
в одной маленькой ступеньке,
преодолеть которую невозможно

**meditazione mattutina
nella chiesa di santa maria dei miracoli a roma**

durante la messa cattolica
il fedele in segno di devozione
si inginocchia su
una panca di legno,
e così sembra dire:
o creatore e sovrano del mondo,
non sono l'ultima delle tue creature

durante il servizio ortodosso
il fedele in segno di devozione
si inginocchia sul
pavimento di pietra,
e così sembra dire:
o creatore e sovrano del mondo,
sono l'ultimo dei tuoi schiavi

quando si parla di europa e asia,
di ciò che ci divide,
non credo sia la lingua,
la storia o la geografia,
è solo in quella panca la differenza
in un solo piccolo gradino,
che non si può superare